

СТИНУВШИЙ
ИРИЕХАМ
Дэниел Хорн

Дэниел Хорн

Сгинувший Ириехам

«Автор»

2026

Дэниел Хорн

Сгинувший Ириехам / Дэниел Хорн — «Автор», 2026

Это неоднозначная история Коула Мастерсона, молодого наследника крупного предприятия, которому повезло влюбиться. Но он не подозревал, что это возвышенное состояние заставит его выразить чувства в картине и погрузиться в жутчайший из возможных кошмаров.

© Дэниел Хорн, 2026

© Автор, 2026

Содержание

СГИНУВШИЙ ИРИЕХАМ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дэниел Хорн Сгинувший Ириехам

СГИНУВШИЙ ИРИЕХАМ

*Люди говорят, что за смертью приходит вечный покой. Чушь!
Это заявляю вам я – тот, кому против воли пришлось узнать правду.
Уж лучше поверьте мне и... крепитесь. Смерть – это не конец.
Это только начало...*

Только что отец отбыл по делам во Францию, куда я не горел желанием попасть, да и не попал, потому что искусно сыграл простуженного. Пришлось конечно изображать из себя больного перед прислужой и пить лекарства, но, к счастью - это было «наивысшим злом» в постановке Коула Мастерсона.

Никому ни к чести обманывать главу собственной семьи, особенно родителя, но на то у меня были причины. Я всегда был не в восторге от торговли и её правил, о чём отец бесспорно подозревал, но своего искреннего разочарования никогда бы не выказал - не такого порядка он человек. И всё же, когда-нибудь мы будем вынуждены сойтись в непримиримом споре о моём будущем, и мне страшно было представить, чем он мог закончиться. Я не видел себя достойным наследником всеми уважаемого владельца единственной в штате швейной фабрики Роберта Мастерсона, наладившего поставки несравненного качества тканей для собственного производства и готовых женских туалетов для местных магазинов одежды. Всё сырьё и товары для продажи доставляли прямиком из Франции; этим отец поспособствовал росту благосостояния нашей семьи и капиталов вкладчиков, а вкупе с этим уменьшению безработицы, что безмерно радовало губернатора штата. В последний год он стал всё чаще брать меня с собой на фабрику и всячески пытался вызвать во мне интерес к швейному производству, но отец стойко не замечал, или не хотел замечать, главного – я даже не старался учиться основам и тонкостям управления делом всей его жизни. Но больше отцовских уроков я ненавидел его деловые поездки, особенно за границу – долгие, скучные, и они, в прямом смысле слова, отбирали моё драгоценное время бурной молодости. Как же хорошо, что я правдоподобно «занемог», теперь в моём распоряжении было несколько недель для отдыха от постоянного напора Мастерсона старшего.

Благодаря мнимой болезни я вот уже третий день наслаждался свободой, проводя время в основном в кровати за чтением бульварных романов, как совершенно неожиданно домоправительница Эдда известила о прибывших гостях:

- Вас желает видеть миссис Лаура Нотиннес.
- Супруга сэра Нотиннеса? – поинтересовался я с искренним удивлением.

Эдвард Нотиннес был уважаемым человеком, хотя совсем недавно его считали неудачником, который зачем-то продолжал содержать небольшое и почти не приносящее прибыли торговое судно. Шесть лет назад он, благодаря воле случая, стал мелким деловым партнёром моего отца и взял на себя обязанности по перевозке сырья из Франции в Америку, что со временем вылилось в выгодное сотрудничество. Всего через два года мистер Нотиннес смог позволить себе заказать постройку двух крупных грузовых кораблей и тем самым расширить списки поставляемого сырья для моего отца. По этой причине семья Нотиннесов обзавелась внушительным заработком и была всецело обязана этим Роберту Мастерсону.

Я же лично видел мистера Нотиннеса лишь дважды, да и то мельком, пока сопровождал отца в швейном цехе. Мы до сих пор не были даже представлены друг другу, настолько он был занятой человек. Мистер Нотиннес редко бывал не то чтобы дома, а в стране, потому что он постоянно плавал во Францию, чтобы лично контролировать качество товаров, предназначенных для моего отца и нескольких мелких партнёров. Оттого неудивительно, что я не имел чести, как, впрочем, и желания, знать всех членов семейства Нотиннесов.

- Да. Она пришла с дочерью. Такая красавица, и смею предположить - ваша ровесница, ну может на пару годков помладше. Они хотели навестить вас и справиться о вашем здоровье. Пригласить их?

Мне совсем не хотелось принимать гостей, да к тому же их приход носил скорее всего вынужденный характер, так что искренность их побуждений была под большим сомнением. Видимо отец рассказал мистеру Нотиннесу о моей лёгкой болезни, а тот первым же делом направил в своё имение письмо с наказом для жены и дочери оказать мне визит вежливости. Единственное, что всё-таки заинтриговало и побудило меня принять визитёров - это «красавица-ровесница», а я всегда был не прочь обзавестись подобными знакомствами.

- Да, конечно, пригласите. Только возвращайтесь к ним помедленнее, не могу же я предстать перед ними в таком виде. Эдда, а мисс Нотиннес насколько красива? Она так же хороша, как дочь металлурга Хаубрека Констанция, или...

- Вы как всегда грубы, юный сэр. Вам бы пора перестать смущать меня такими вопросами. Ваш отец уж точно не одобрит, что я обсуждаю с вами девушек в такой манере... но да, мисс очень прелестная.

Эдда любила читать мне нотации, всё же она строгая домоправительница, которая работала в этом доме задолго до моего рождения, а потому её порой укорительно-воспитательное, но всё же тёплое отношение ко мне, было нашей маленькой дружеской игрой. Хорошо, что Эдда всегда прикрывала меня, ведь кто знал, что бы со мной сотворил отец, узнай он каких порой дел и с чьими дочерьми я наворотил? А что бы он сделал с Эддой за утаивание, и, тем самым, потворствование моим проступкам я боялся даже представить.

- Вы не устанете меня поучать, верно?

- Как я не раз говорила, пока вы не повзрослеете, а вам уже давно пора.

- Знаю-знаю. Эдда, задержите их минут на пять, больше мне не нужно.

Как только экономка вышла из комнаты, я вскочил с постели и принялся наспех приводить себя в порядок. Мне как «больному» можно было бы не сильно стараться, но раз в дом явилась «красавица», то нельзя было ударить в грязь лицом. Пока я рыскал взглядом по комнате в надежде найти расчёску, меня окликнул кто-то из прислуги:

- Ваша рубашка, сэр.

- Спасибо!

Я взял рубашку и мысленно поблагодарил Эдду, так как был уверен, что чистую одежду принесли по её указу. На скорую руку я умыл лицо и брызнул несколько капель на растрёпанные волосы в попытке пригладить их. Цирюльник из меня выдался никудышный, да и не так-то просто было уложить мои непослушные чёрные кудри, но для якобы больного вышло неплохо. Переодевшись, я вернулся к кровати, для вида подобрал первую попавшуюся из стопки на прикроватном столике книгу и сел в стоящее рядом кресло.

За дверью слышались шаги, гости уже поднимались по лестнице. Мне казалось, что я уж чересчур расфантазировался о красоте девушки, но нежность долетавшего до меня юного голоса ещё больше подстёгивала распалённое воображение. Я не хотел нырять в омут ветреных чувств с головой, иначе можно было неосознанно повести себя неподобающим образом и тогда меня бы точно настигли последствия в виде разгневанного отца. Он не одобрял даже невинных прогулок с девушками, потому что такие связи, как отец постоянно говорил: «непременно скажутся на репутации нашей семьи». Фигура Роберта Мастерсона всегда была на виду и слуху

у людей, а потому мой интерес к молодым особам, по его мнению, должен был ограничиться только поиском супруги, и никоим образом не относиться к мимолётному увлечению. Я, по меркам незамужних девушек, был завидным женихом, а потому интерес чьих-то дочерей и уж тем более их родителей ко мне был очевиден и не лишён расчётливости, но заявлять то, что я никогда этим не пользовался, было бы откровенной ложью. Так что приближавшаяся к моей двери молодая незнакомка и вправду могла иметь на меня виды совсем уж далёкие от добросовестной заботы или светской вежливости, а я не отрицал возможности, что мог бы воспользоваться этими корыстными видами для собственной улады.

Гости были уже у порога. Выпрямив спину, я открыл книгу и принял вид увлечённого чтением. Через мгновение дверь в комнату открыли, и я услышал, как Эдда пригласила дам пройти внутрь.

Первой вошла миссис Нотиннес. Статная женщина, морщины уже тронули её лицо, на котором ясно вырисовывались черты покорной супруги. Я мог лишь подозревать, но что-то мне подсказывало, что визит вежливости не вызывал у неё ни капли интереса ни ко мне, ни к моему здоровью, а лишь обострял усталость от бесконечных поручений мужа ради деловой и раздражавшей меня «семейной репутации».

Однако моей жизни суждено было перевернуться с ног на голову, едва я увидел прекрасное создание, чей вид заставил трепетать саму мою душу и разум в придачу. Её чистое лицо с правильными чертами украшали пышные губки, голубые глаза и светлые волосы, похожие на золотые нити, которые будто сплели и пересекли с моей судьбой сами Мойры.

- Я рада лично с вами познакомиться, мистер Мастерсон! - поприветствовала меня миссис Нотиннес. - Мой муж прислал письмо, которое я получила сегодня утром. В нём он сообщил, что ваш отец крайне обеспокоен здоровьем своего единственного сына и желает поскорее вернуться домой, чтобы увидеть вас в добром здравии. Я не посмела пренебречь этими словами, поэтому мы с дочерью решили навестить вас.

«Я не посмела пренебречь этими словами». Как же глупо и фальшиво это прозвучало. Миссис Нотиннес прекрасно понимала, она ничем не могла мне помочь. Всё, что мне было нужно для выздоровления давала Эдда, но вот появление прекрасной девушки действительно могло исцелить меня от тоски. Мне не хотелось как-то обидеть миссис Нотиннес, поэтому я старался не смотреть слишком пристально на её дочь, но как же мне не терпелось с ней познакомиться. Дабы не прерывать разговор молчанием, я хотел поблагодарить женщину за визит, но не успел.

- Позвольте познакомить вас с Лавьен.

Лавьен Нотиннес. Я впервые слышал такое элегантное и столь подходящее имя для явившегося передо мной ангела. Она мне улыбнулась! Это был всего лишь миг до того, как Лавьен впервые заговорила со мной, но мне казалось, что высшие силы замедлили само время, чтобы я смог подольше насладиться движением её прекрасных губ.

- Рада с вами познакомиться, мистер Мастерсон! Как вы себя чувствуете?

Какой же прекрасный у неё оказался голос. Он – шёлк, ласкавший мой слух. Я бы отдал всё на свете, чтобы до конца своих дней голос Лавьен звучал только для меня. Бесспорно, я влюбился.

- Чувствую себя гораздо лучше, благодарю! Скорее всего уже на днях буду в полном здравии.

Я старался говорить спокойно, не выдавая разгорячённых чувств, но беспорядок в моих мыслях всё же дал о себе знать совершенно неожиданным образом. Мой разум не подкинул идеи лучше, чем пригласить дам за стол, который я не смог бы разделить с Лавьен из-за «болезни».

- Вы не голодны? Может мне приказать подать обед?

- Вы очень заботливы, мистер Мастерсон, но мы отложили ближайшие срочные дела ради вас. Раз вы чувствуете себя много лучше, то нам бы не хотелось больше вас беспокоить. Но я благодарна за вашу заботу и теперь хочу ответить взаимностью. Как только вы окончательно выздоровеете, нашей семье будет приятно, если вы сообщите об этом в письме. Тогда же я вышлю вам ответное письмо с приглашением к нам на обед или ужин в честь нашего знакомства. Вы же не откажете нам в такой любезности?

Я мог бы сказать, что был в восторге от находчивости этой женщины. Всего за минуту она поставила меня в положение «выбора без выбора», при этом, почти не выдав своего нежелания вообще посещать такого юнца как я, чтобы просто справиться о здоровье. Но я нутром чуял, что стоявшая передо мной миссис Нотиннес желала поскорей получить ответ и наконец отправиться по своим делам. Впрочем, в этом не было ничего плохого, по крайней мере я получил гарантированный билет на новую встречу с девушкой своей мечты.

- Как я могу вам отказать? Я обязательно оповещу вас и конечно же приму приглашение.

Миссис Нотиннес улыбнулась, и на мой взгляд, это была первая искренняя эмоция на её лице. Я решил лаконично подвести итог этому визиту, рассчитывая убедить мать Лавьен в моём нежелании отнимать время у представителей столь делового семейства.

- Позвольте мне вас проводить.

Я хотел было встать с кресла, но тут же был остановлен непонятно отчего взволновавшейся женщиной.

- Нет, нет, прошу вас, не вставайте. – Миссис Нотиннес утерла всякие признаки высококородной стати и всего за мгновение обратилась в простолюдинку, боявшуюся как-то не угодить влиятельному джентльмену. – Вы хоть и хвалите своё самочувствие, но я не прошу себе, если отберу у вас нужные для выздоровления силы.

- Благодарю вас!

И я остался в кресле, совершенно не понимая, что же так встревожило миссис Нотиннес?

- Эдда, проводите наших гостей.

- Да, сэр.

- Всего доброго, мистер Мастерсон, – попрощалась со мной миссис Нотиннес и покинула комнату.

Потянувшись к столу, я хотел было вернуть книгу обратно в стопку, как вдруг заприметил боковым зрением Лавьен, которая будто бы ждала моего внимания. Я повернулся к ней и остолбенел от внезапной мысли, что передо мной сейчас стояла девушка, которой я вот-вот собирался сделать предложение руки и сердца, но отчего-то мне не удавалось даже заговорить с ней. И тут мир застыл в одном мгновении, а мой разум предательски оставил меня, стоило только услышать пожелание ангела:

- Я буду ждать вас в гости. Поправляйтесь поскорее.

Лавьен проследовала за матерью, и я обратил внимание на Эдду, которая улыбалась шире обычного. Домоправительница вышла из комнаты и закрыла за собой дверь, а я так и остался сидеть в кресле без малейшего движения. Всего одной фразой Лавьен обратила моё тело в камень, а душу в густой туман, окутавший мой вдумчивый разум. Впервые в жизни я чувствовал себя настолько необычно. Не знаю, сколько я так просидел, возможно больше десяти минут, но вырваться из объятий приятных мыслей меня подтолкнули внезапные размышления о причинах «испуга» миссис Нотиннес. Почему женщина, которая не только ни в чём не нуждалась, но и принадлежала семье с безупречной репутацией, так отреагировала на вежливое предложение молодого человека проводить её? Это показалось мне странным, но чутьё настаивало, этот визит вежливости на самом деле был хорошо отрепетированным спектаклем. Но какова была его цель? Единственной причиной, приходившей на ум, был мистер Нотиннес. Неужели он до сих пор настолько зависел от дел моего отца, что был способен так унижительно использовать свою семью ради его расположения? Более того, в вопросе партнёрства между

моим отцом и мистером Нотиннесом от меня же не зависело ровным счётом ничего, а значит моё благоволение точно бы ничего не изменило. В конечном итоге я просто выбросил эту мысль из головы, и теперь в ней не осталось ничего кроме грёз о Лавьен, которые заставляли голову идти кругом.

Мне захотелось переодеться и провести, как я уже решил, последний день мнимой болезни в кровати. Но только я встал, как в дверь постучались, и я услышал голос Эдды:

- Юный сэр, могу я войти?

Ох уж этот «юный сэр». Эдда звала меня так с тех пор, с каких я себя помню, и только тогда, когда мы оставались наедине, ведь именно с этого обращения начинались наши личные беседы. Я очень любил Эдду, и был уверен, эти чувства взаимны, потому что я заменил ей ребёнка, которого у неё никогда не было, а она мне – маму. Свою настоящую мать я совсем не знал, единственное что я мог поведать о той женщине - она умерла, подарив мне жизнь и красивое имя с необычным происхождением. Я совсем не скучал по ней, даже отец никогда не говорил о покойной жене, и это было не удивительно - он из тех людей, чьи чувства и эмоции всегда хранились под надёжным замком делового и серьезного характера. Но я был уверен, ему тяжело далась эта утрата, так что Эдда и тут в какой-то мере заменила отцу «крепкое плечо». Она была не просто домоправительницей, а «тайным» членом нашей семьи, который конечно ясно понимал, как стоило вести себя в присутствии гостей и младшей прислуги. Эдда - удивительный и заботливый человек, а её порой материнская забота стала для меня неотъемлемой частью домашней атмосферы. Сейчас же привести Эдду к «юному сэру» могло только одно – желание обсудить гостей, в особенности моё знакомство с «красавицей-ровесницей», и я не посмел бы лишиться её этой маленькой радости.

- Да, входи.

Эдда сияла от счастья. Мне думалось, что дай этой женщине волю, то она сама меня отмоет от пыли бездельничества, приоденет в выглаженный выходной костюм, причешет и надушит парфюмом, а затем лично доставит на дилижансе к дому Нотиннесов. Впрочем, каждый визит гостей, среди которых были дочери влиятельных господ, оказывался для Эдды поводом для излишней старательности. Только на этот раз я был бы не прочь отдаться в её заботливые руки и быть вскоре доставленным к Лавьен в своём наилучшем виде.

- Вы ей понравились, - прямо с порога начала Эдда, - я это сразу поняла. Какая же она красивая, а вы что? Надо было настоять и усадить их за стол.

- Боюсь, у них были срочные дела.

Я неспроста утаил от Эдды правду о вспыхнувших во мне чувствах к Лавьен. Возможно, я бы и рассказал ей обо всём, вот только подхваченная волной нахлынувшего счастья домоправительница точно не удержалась бы и сразу же поделилась радостью с остальной прислугой, а этого допускать было нельзя. Однажды болтливые языки уже женили меня на чьей-то дочери, а отец, узнав об этих слухах, чуть кожу с меня не содрал, и той взбучки мне хватило с лихвой.

- Я вас знаю, вы могли бы настоять и, хотя бы попробовать убедить их переменить планы. – Эдда замолчала и протяжно выдохнула. – Ну ладно, уже ничего не поделаешь. Как вы себя чувствуете?

- Чувствую себя хорошо. Думаю, два-три дня, и буду на ногах.

На самом деле я ощущал себя превосходно. Не было слов, описывающих полноту моего счастья, по крайней мере, я таких не знал. Но вопрос Эдды заставил меня задуматься, а сколько мне необходимо пробыть больным? Я ведь не мог сегодня же направить письмо о своём визите в дом Нотиннесов, это могло показаться наплевательским отношением к их и моему здоровью. Хотя я и не корил себя за притворство перед отцом, но моя мнимая болезнь впервые оказалась противоречивой штукой. С одной стороны, я получил в дар визит Лавьен, но с другой был вынужден изнемогать от нетерпения из-за своей же сообразительности.

- Приятно это слышать. Вы очень быстро пошли на поправку. – Эдда, как всегда махнула на меня рукой и продолжила уже привычным тоном, - да это и не удивительно. Вы молоды и сильны, но вам не помешало бы прогуляться и подышать свежим воздухом.

Эдда почти предвосхитила мои мысли о прогулке к каменному мосту, что пересекал реку Карнэ. С детства это было моё любимейшее место, где я не раз останавливался, чтобы понаблюдать за бегущей водой, движимыми ветром цветами, людьми вокруг, а по вечерам мне нравилось опираться о парапет моста и дожидаться ночи, чтобы созерцать явившиеся звёзды и луну, на чьи отражения в Карнэ я мог любоваться до наступления утра. Мне дико захотелось прогуляться до Карнэ, но уже не в одиночку, а с Лавьен, осталось лишь дожидаться подходящего момента и пригласить её в идеальнейшее место для первого свидания.

- Эдда, я хочу привести себя в порядок и переодеться. Зайди минут через двадцать, у меня будет к тебе поручение.

- Да, сэр. Вам накрыть на стол? Или может принести еду сюда?

- Нет-нет, пока мне нужна только тишина.

- Хорошо, сэр. - Эдда вышла и закрыла за собой дверь.

Я тут же ринулся к столу, не желая терять времени. Достал из ящика бумагу и со всей аккуратностью взялся за перо, дабы моя торопливость не отразилась в строках.

Миссис Нотиннес, к сожалению, я не смог поблагодарить вас за визит как полагается. Ваше внимание придало мне сил, и вот теперь я уже почти выздоровел. Как и обещал, направляю вам письмо, чтобы уведомить о своей готовности принять приглашение на обед и посетить ваш дом, смея рассчитывать на гостеприимство знаменитого и уважаемого семейства Нотиннесов.

Погостить у вас смогу не раньше пятницы. Любая болезнь хитра, поэтому я три дня пробуду дома, чтобы не подвергать риску здоровье ваше, вашей дочери и ваших домочадцев.

С нетерпением жду вашего ответа.

Коул Мастерсон

Перечитав письмо, я остался доволен. Нейтральный тон соблюден, а пятница станет отличным днём для ответного визита. Конечно, мне пришлось целых четыре дня провести в атмосфере терзающего ожидания встречи, но осторожность всё-таки была важнее разгорячённой головы. Когда я запечатал письмо трепет в моей душе понемногу стал утихать, ведь теперь от меня мало что зависело. Оставалось лишь дожидаться ответа и не умудриться заболеть настоящим – это было бы иронично.

За оставшееся время я переоделся и умылся. Успел как раз вовремя, Эдда уже постучалась.

- Входите.

- Какое у вас для меня поручение?

В полном спокойствии, не выражая никаких чувств, я передал ей конверт.

- Это для миссис Лауры Нотиннес. Решил поблагодарить её за визит. Только отправьте его завтра, ближе к обеду. Дома их до этого времени все равно не застать.

- Надеюсь, вы пригласили их к нам?

- Нет, но спросил, когда у них найдётся время, чтобы я смог угостить их потрясающими лакомствами моей Эдды.

Она махнула на меня рукой.

- Да бросьте вы, лакомствами. Обычная еда, – откровенно смутившись ответила Эдда.

- Да-да, так и написал. Но не забудьте, отправить нужно именно завтра, а не сегодня. Не хочу показаться нетактичным, не то миссис Нотиннес запомнит меня как человека, который несерьёзно отнёсся к её словам о делах и сочтёт меня грубияном.

- Да, сэр! Не забуду, – уже серьезным тоном ответила Эдда. – Вы обедать будете? За весь день же ни крохи не съели!

- Я не голоден, может быть вечером. Хочется поспать, а то и в правду растрачу силы, и тогда хворь снова одолеет меня.

Эдда понимающе кивнула и добавила:

- Хорошо. Позвольте мне откланяться? Работы невпроворот, а то я всё вас отвлекаю.

- Идите.

Эдда ушла и оставила меня наедине с мыслями. Я лёг на кровать и закрыл глаза, представляя, как держу ручку Лавьен в шелковой перчатке и веду её прямо на мост, чтобы остановиться над Карнэ и показать ей то, чем меня так манило это место. Наверное, многие из заставших меня на мосту людей скорее всего не понимали, ради чего молодой человек торчал здесь часами напролёт и так бездумно терял драгоценное время молодости, но они разучились или не умели ценить мир вокруг. Я же приходил к реке ради великолепного вида природы, который теперь мне не терпелось объединить с чувством восхищения от красоты Лавьен. Пока я представлял себе этот день, даже не заметил, как погрузился в сон.

Мне приснился нарисованный мир. Он напоминал белоснежный пейзаж, грани окружения на котором образовывали движущиеся и в некоторых местах мерцающие контуры, похожие на то, что художники вырисовывают углём на холстах перед тем, как браться за краски. Передо мной протекала речушка, это определённо была Карнэ, а за ней раскинулись цветочные поля, лишённые своих ярких природных красок. Сон был мне неподвластен, в нём я шёл по знакомой тропинке. Вскоре я увидел проходящий через Карнэ мост, а на нём её – наполненную живостью цвета Лавьен. И тут ноги понесли меня к ней. Я предвкушал наше воссоединение, но чем ближе я подходил к мосту, тем больше контурный мир и Лавьен начинали размываться. Внезапно меня оторвало от земли, и я полетел, но не к небу. Нарисованный мир словно перевернулся и вот я уже летел с большой высоты прямо на контурную землю. Страх заставил сжаться все мои внутренности и за мгновение до смертельного приземления, я проснулся.

Через два дня наконец пришёл долгожданный ответ. Эдда с помощником была на рынке, поэтому переживать о её любопытстве не стоило, а остальная прислуга даже не заметила, как я забрал доставленное почтальоном письмо. Но даже если бы меня заметили, то никого бы это не удивило, ведь все в доме теперь знали - сын хозяина окончательно выздоровел.

Конверт оказался завернут в белую ткань, пропитанную запахом какого-то изысканного парфюма. Мне хотелось верить, что этот изящный жест оказала мне Лавьен, но, учитывая, что её родители тратили немалые деньги на парфюмерию, о чём мне рассказывал отец, то это вполне могла сделать и миссис Нотиннес.

Вернувшись в свою комнату я первым делом раздвинул шторы, чтобы само солнце освещало мне строки. Руки тряслись от волнения, настолько трепет вкупе с жадой прочитать письмо захватили моё тело и вскружили голову. Мне хотелось разорвать конверт, лишь бы поскорей прочесть послание, но я старался держать себя в руках и учиться терпению, которого мне очевидно сильно не хватало.

Пока я смотрел на конверт, то невольно подумал об отце. Мне бы стоило отправить ему письмо и сообщить о своей победе над болезнью, ведь любому отцу было бы приятно получить несколько строк от единственного сына. Но, насколько сильно я хотел обрадовать его сообщением о выздоровлении, настолько же мне не хотелось браться за перо. Любое слово могло

обернуться для меня ошибкой. Отцу бы ничего не стоило вызвать меня во Францию первым же кораблём, чтобы я не терял время попусту и как можно скорее вернулся к освоению тонкостей управления семейным делом. А что могло случиться, если бы я написал о Лавьен? Отец мог всё испортить и ни оставить мне даже крохотного шанса завоевать сердце возлюбленной, а всему виной могла опять оказаться эта треклятая «репутация семьи Мастерсонов». Да и кто знал, вдруг такой человек как Роберт Мастерсон в принципе не захочет родниться с Нотиннесами? Нет, рисковать было нельзя. Сначала стоило заполучить симпатию Лавьен, тогда наши взаимные, искренние и чистые чувства точно бы никому не навредили, и властному Роберту Мастерсону придётся смириться с таким положением дел. Однозначно, неведение отца – это моё главное преимущество.

Я был удовлетворён принятым решением. После размышлений я вновь вдохнул аромат духов, исходивший от белой ткани. Сладковатые нотки ласкали обоняние, запах был настолько полный, что наводил на мысль о поле с тысячами живых, ярких красок цветов, среди которых я представлял странствующего ангела по имени Лавьен.

Освободив конверт от ткани, я аккуратно сложил последнюю несколько раз и положил на край стола, чтобы ощущать дивный запах во время чтения, а затем вскрыл печать – теперь у меня в руках оказался лист плотной бумаги. Я все ещё проявлял недюжинное терпение, стараясь выработать так нужное мне качество, и пока мне это удавалось, но как же это было трудно. Медленными движениями я разложил лист и принялся читать.

Мистер Мастерсон, известие о вашем выздоровлении обрадовало меня до глубины души. Мне жаль, что мы с моей дочерью не смогли пробить в вашей компании подольше. Надеюсь, вас это несколько не огорчило. Кому как ни вам понимать, наша рутина состоит в основном из разговоров и нескончаемых деловых встреч и приёмов. Учитывая, что вы с лёгкостью справились с болезнью и теперь полны готовности отобедать с нами, я незамедлительно переменила все планы ради вашего визита. Поэтому приглашаю вас на субботний гостевой обед в имение Нотиннесов.

За вами прибудет наш экипаж, ровно в полдень. Прошу вас, не высылайте письмо с отказом от поездки, всё-таки дорога улицы Кастейн славится ухабами, а наш кучер знает их на зубок. Обещаю вам, поездка будет спокойной и ничего не испортит вашего первого впечатления о доме Нотиннесов.

*Р. С. Лавьен разделяет мои чувства по поводу вашего выздоровления.
С наилучшими пожеланиями,
Лаура и Лавьен Нотиннесы*

Прекрасно, просто прекрасно! Какое там учение терпению, я был готов разорвать само время, пройти сквозь препятствия бесконечности, лишь бы заполучить шанс приблизить время встречи. Моё тело охватило такое возбуждение, что нужно было незамедлительно взять себя в руки. Сделав несколько глубоких вдохов, я вернул власть над собой и спрятал письмо с конвертом в ящик стола под кипу чистых листов бумаги.

Сделав ещё один глубокий вдох, я смирился с мыслью, что теперь мне оставалось только ждать субботы, и, чёрт возьми, как же это было сложно, нетерпение уже начинало снедать меня, хотя прошло всего-то несколько минут. Отбросив мысли, я настежь открыл окно и принялся любоваться родным городом, но как бы я не старался отвлечься и убить время, в голове постоянно всплывала одна и та же фантазия – я и Лавьен прогуливавшиеся по мосту.

В какой-то момент я подумал: «Лавьен наверняка уже не раз проходила через тот мост, вдруг ей не нравилось это место»? Но даже если так, то она не была там со мной, а мне было, чем её удивить. Оставалось сделать совсем «немногое» – дотерпеть до субботы.

И я дождался, ей-богу, дождался! Проснулся гораздо раньше обычного - только начало светать. Ещё лёжа в кровати, я увидел в окне тусклое сияние звёзд и первые проблески солнечного зарева. Ускорить время я не мог, но попытаться его убить - вот это было в моих силах. Но за что бы я не брался, ничего не помогало, минуты будто обратились в часы, а часы в недели, но всё же время текло и это было главное. Вскоре явилась Эдда, чтобы разбудить меня, но вместо этого я сам встретил домоправительницу у двери и попросил подготовить выходной костюм. Она конечно же начала расспрашивать о моих планах, а я лишь сухо ответил:

- По делам.
- Не успели на ноги встать, как уже с головой в делах. Отец бы вами гордился.
- Да, Эдда... гордился бы.

Пока экономка готовила костюм, я начал приводить себя в порядок. Через несколько часов домашний бездельник, преобразился в представительного молодого джентльмена, и это несмотря на то, что я всей душой ненавидел наряжаться в выходные комплекты. По мне простая и комфортная одежда лучше подходила для человека моего склада. Свобода мысли, свобода движений - вот что я всегда признавал, не вынося строгость деловой жизни, которая весьма символично украшала несколько костюмов моего отца. Пару похожих на отцовские комплекты были сшиты и для меня, но эту одежду я на дух не переносил, потому что их узкие жилеты и душащие воротники ни на секунду не давали забыть о деловой репутации семьи Мастерсонов.

Мой же выходной костюм был однотонный и самым что ни на есть обычным, но сегодня я придал ему особенный вид. Во внутренний карман сюртука я положил конверт с письмом Лауры Нотиннес, а ткань, которая всё ещё хранила ненавязчивые нотки дорогого парфюма, я сложил в нагрудный карман вместо платка-паше, и очень надеялся, что мать Лавьен обратит на него внимание.

Время близилось к полудню. Я напоследок взглянул на себя в зеркало и остался доволен отражением. Сегодня всё было на своих местах, кроме моего внутреннего спокойствия. К своему удивлению я начинал нервничать от одной только мысли о встрече с Лавьен и мне ненадолго даже стало дурно. Видимо такая нервозность была свойственна всем, кому когда-либо приходилось влюбляться.

Когда я спустился на первый этаж, передо мной предстали работники дома; каждый занимался поручениями стоявшей в центре гостиной домоправительницы, то и дело раздававшей новые указания. Когда Эдда начала говорить что-то о кухне, она обернулась и заметила меня.

- Уже уходите, сэр? Когда вас ждать? – метнула она вопросы уже почти подойдя ко мне.
- Да, меня подвезут. Вернусь вечером, не раньше.
- Мне приготовить ваше любимое... - Эдда украдкой глянула по сторонам, так она проверяла, есть ли возможность незаметно проявить свою «материнскую заботу». – Ваше любимое от тётушки Эдды?

Домоправительница славилась своей готовкой, и поэтому ей удалось невероятное, теперь мои мысли были посвящены только вкусностям от Эдды, которыми она часто баловала меня. От фантазий о вкусных блюдах мой рот тут же наполнился слюной, и я сглотнул.

- Нет, Эдда, очень хочется, но сегодня вам лучше не готовить. Но поверьте, завтра в моём животе найдётся место только для вашей стряпни.

Эдда смутилась и вновь поглядела украдкой по сторонам. Затем она посмотрела мне прямо в глаза и взяла мою руку. Она нежно провела грубыми пальцами по тыльной стороне моей ладони и прошептала:

- Договорились. Но запомните, завтра я отказа не приму.
- А завтра отказа и не будет, – прошептал я в ответ.

Домоправительница отпустила мою руку, оглядела меня с ног до головы и продолжила:

- Вы сегодня красивы как никогда.

- Не могу не согласиться.

Эдда несколько раз кивнула и резко ахнула, заведя кого-то из младшей прислуги:

- У меня же работы полный дом, а я вас задерживаю, ещё опоздаете из-за меня.

Эдда вернулась к своим обязанностям, а я проводил её взглядом и улыбнулся. С каждым днём я всё больше привязывался к этой женщине и мне было очень жаль, что я не мог во всеуслышание объявить Эдду своей названной матушкой. Не было в мире рук заботливее, чем руки моей второй мамы, прикосновение которых, казалось, всё ещё согревало мою ладонь. Как же я был благодарен судьбе за то, что в моей жизни была Эдда, моя милая Эдда.

Экипаж прибыл вовремя, я устроился в нём весьма удобно и вновь погрузился в спокойное ожидание. Когда мы добрались до улицы Кастейн, дорога действительно ощущалась ровной, как было обещано мне миссис Нотиннес, но оттого хуже. Я ждал тряски, любого неудобства, которое помогло бы мне отвлечь от себя раздражающее переживание, но никак - кучер и вправду оказался мастером своего дела.

До встречи с Лавьен оставались считанные минуты, а мой лоб так некстати покрылся испариной. Белым платком в нагрудном кармане я воспользоваться не мог – это было бы оскорблением моих высоких чувств. Вместо этого я взял с сиденья подушку и вытер о неё лицо. Поступок недостойный, но никто не видел, а значит, Коул Мастерсон не был уличён в дурных манерах.

Когда я вернул подушку на место, то заметил, что мы уже миновали ворота имения Нотиннесов. Экипаж остановился, но сам дом я не успел разглядеть, лишь услышал, как кучер спрыгнул, направился к двери и открыл её. Внутри тут же проник прохладный, приятный ветерок, но мне всё равно стоило поторапливаться, иначе лоб снова бы покрылся испариной, ведь моё сердце колотилось от волнения, как паровой состав. Удивительно, как я ещё не свалился в обморок.

Сделав глубокий вдох и резко выдохнув, я вышел из дилижанса. Перед трёхэтажным гигантом с восхитительной архитектурой стояли две прелестные дамы из рода Нотиннесов. И внезапно, беспокойство как рукой сняло, стоило мне только увидеть Лавьен.

Подойдя к дамам, я остановился перед миссис Нотиннес и оказался впечатлён её видом. Её можно было бы принять за совсем другую женщину, далеко не ту, что посещала меня в начале недели, потому что сейчас мать Лавьен пылала красотой и жизнью, да ещё выглядела моложе примерно на десяток лет. Теперь мне было понятно от кого моя возлюбленная унаследовала девичью красоту.

- Мистер Мастерсон, - кивнула мне миссис Нотиннес в знак приветствия и протянула руку.

Я поцеловал тыльную сторону ладони, так отец всегда велел мне приветствовать дам.

- Миссис Нотиннес, я рад наконец быть вашим гостем. Давно не бывал в этой части города и позвольте мне выразить восхищение. Имение поражает красотой. Определённо, этот дом – архитектурный самородок улицы Кастейн.

- Мне приятно ваше замечание, наша семья вложила целое состояние в этот имение, и я говорю не только о деньгах. Мой муж весьма внимателен к нашим пожеланиям, поэтому всё в этих стенах создано в соответствии с нашими вкусами и предпочтениями. Это самый настоящий фамильный дом, чьи стены будут вечно хранить память о многих поколениях Нотиннесов.

Тот самый образ загадочной и прекрасной дамы, недавно зародившийся у меня в голове, рассыпался. Теперь я слушал самую заурядную жену самого обычного мужа, обладавшего хоть каким-то состоянием. Не бывало в моей жизни случаев, когда хозяйка во всеуслышание бы заявила: «то, что есть у меня – это самые обычные вещи, а сама я не славюсь уникальными вкусами и предпочтениями». Без лукавства, дом Нотиннесов и в правду был приятным пятном на фоне окружавшей меня архитектурной безвкусицы. От него веяло индивидуальностью, а не слепым подражанием модным течениям, обусловленным благосостоянием и социальным

положением. Я глубоко убеждён в том, что дом – это в первую очередь обитель семейства, а не постамент для памятника, демонстрирующего всем вокруг толщину кошелька его владельца.

Впрочем, что такое фамильный дом, когда главная ценность Нотиннесов стояла совсем рядом? В образе Лавьен меня совсем не волновало ничего из того, что не имело отношения к её ангельскому телу – ни платье, ни косметика, ни даже брошки или другие украшения. Моё внимание было отдано чертам её прелестного лица, золотому переливу волос, которые сегодня были завязаны в изящный пучок, и, конечно же, направленным на меня голубым глазам.

- Здравствуйте, мистер Мастерсон!

Она протянула руку и улыбнулась мне. О боги! Моя уверенность вновь пошатнулась.

- Здравствуй, Лавьен!

Я коснулся её руки и внутренне заликовал. Какой шёлк, какая нежная кожа. Со всей нежностью я поцеловал руку Лавьен и ощутил дивный аромат её духов, напоминающий смесь экзотических специй и какого-то цветочного букета. Он очаровывал и пленял меня.

Собравшись с силами, я отпустил руку Лавьен.

- Прощу вас, мистер Мастерсон, пройдёте в дом.

Миссис Нотиннес развернулась и направилась ко входу. Я уже хотел последовать за хозяйкой, как Лавьен вновь одарила меня теплом своего внимания.

- Вы взяли платок? Это так мило. Надеюсь, вам понравился парфюм?

Всё-таки это был её подарок! Теперь этот платок станет неотъемлемым элементом всех моих костюмов. Куда бы я ни пошёл, где бы я не находился, я не расстанусь с ним ни за что.

- Я был в восторге. Удивительно, насколько тонок ваш вкус к дивным ароматам.

- Когда я вас увидела, мне сразу захотелось подобрать особый букет. Других таких нет, эту формулу составили по заказу отца. Пойдёмте, не будем заставлять матушку ждать.

Я немедленно последовал за ней, упиваясь приливом счастья. Кто ещё был способен сделать мне такой подарок? Она очаровала меня своим трудом, своим выбором, она преподнесла мне частичку себя. Теперь настала моя очередь удивлять, я должен был решиться и пригласить её на Карнэ.

Во время обеда я старался есть больше для вида, да и разговоры напоминали «сухие деловые беседы». Миссис Нотиннес, как и ожидалось, была горда и счастлива дружбой наших семей, её радовали перспективы этого делового союза и то растущее влияние, которым овладевала её семья. Конечно же, какая мать упустит возможность лишний раз превознести свою дочь в глазах сына Роберта Мастерсона, но она видимо так и не заподозрила, что её старания тщетны. Не существовало в мире слов, способных ещё сильнее влюбить меня в Лавьен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.